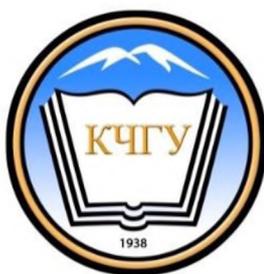

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**

**Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У. Д. Алиева**

ВЕСТНИК

Издаётся с 1998 года

44/2018

**Карачаевск
2018**

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Карачаево-Черкесского государственного университета
имени У. Д. Алиева

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.А. Узденов

Редакционный совет:

С.У. Пазов (председатель), Х.С. Лепшоков, Т.К. Алиева, З. Х-М. Ионов, Б.И. Урсова,
А.А. Эльгайтаров, А.А. Узденова, А.Х. Дзамыхов, В.Б. Огузов, А.Д. Койчуев,
Р.А. Бостанов, Б.Б. Карданова, А.У. Эдиев, А.А. Урусов, Р.М. Бегеулов.

Редакционная коллегия:

С.У. Пазов (зам. гл. редактора), М. Н. Кубанова, Е. В. Завгородняя, Ф. О. Семенова,
А.Р. Алиева, М.М. Эбзеев, У. Б. Узденов, М.Х. Чанкаев, М. Х. Батчаев,
О. А. Логвиненко, Д. У. Биджиев, Д. Д. Тамбиева.

К сведению авторов. Рукописи принимаются в электронном виде с приложением распечатки, заверенной автором. Страницы журнала открыты для дискуссионных материалов. Статьи публикуются в авторской редакции.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в журнале материалов обращаться в редакцию.

✉ Адрес редакции: 369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29

☎ Телефон: 2-22-39 (научное управление)

ЛР № 040310 от 21 октября 1997 г.

ISSN 2618-6918

© Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У.Д. Алиева, 2018

центра. Для тюркских языков РФ таким центром может стать Российский комитет тюркологов.

Необходимость изучения истории и современного состояния языков приобретает особую актуальность именно сегодня, когда обостряется проблема сохранения и развития языков народов РФ в контексте языковой политики страны. Народы РФ обеспокоены одобрением Государственной Думой законопроекта, предусматривающего добровольный характер обучения родным языкам. На наш взгляд, данное решение может привести к постепенному вытеснению родных языков из сферы школьного образования, принудительной ассимиляции и искоренению самобытности народов Российской Федерации.

Список литературы.

1. Акбаев Ш.Х. Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении. – Карачаевск: изд-во КЧГПУ, 1999. - 258 с.
2. Алиев У.Б., Избранные труды: в 3-х томах. – Нальчик: изд-во М. и В. Котляровых, 2012, Т. 2. - 368 с.
3. Байчоров С.Я. Древний карачаево-балкарский язык (часть II) - Аланский язык предков карачаево-балкарцев. – Карачаевск: изд-во КЧГУ, 2009. – 13 с.
4. Боровков А.К. Карачаево-балкарский язык / Яфетический сборник VII, 1932. – С. 37-55
5. Джуртубаев М.Ч. Происхождение карачаево-балкарского и осетинского народов. – Нальчик, 2010. – 841с.
6. Каракотов М.Д. Письмена мухаджиров возвращаются на родину: «Кодекс Карчи» и родословие Джанибековых //Известия карачаевского научно-исследовательского института, Т.У1., интернет-ресурсы http://karachai.ucoz.ru/index/1_5/0-161 (дата обращения - 19.07.2018г.)
7. Мизиев И. История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России (ГЛАВА 8) http://karachai.ucoz.ru/index/gl_8/0-24 (дата обращения - 19.07.2018г.)
8. О происхождении карачаевцев и балкарцев //Материалы научной сессии. – Нальчик: Изд-во КБР, 1960. - 336 с.
9. Улаков М.З. состояние, проблемы и перспективы современного карачаево-балкарского языка. <http://dergipark.gov.tr/download/article-file/288342> (дата обращения - 19.07.2018г.)
10. Хабишев М.А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. – М.: Наука, 1989. – 219 с.
11. Хаджилаев Х.-М. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. – Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1970. - 157 с.

УДК 811.352.1

ББК 81. 2А

А 82

ТИПОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОПИСАНИЕ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА: ПРОСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ

*П.М. Аркадьев³, Ю.А. Ландер¹, А.Б. Летучий¹,
Г. А Мороз¹, Я.Г. Тестелец^{2,3}*

1Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»

2Институт славяноведения РАН

3Российский государственный гуманитарный университет

4Институт языкознания РАН

г. Москва, Россия

В работе кратко излагаются основные особенности нового типологически ориентированного проекта по документации абазинского языка. В частности, обсуждаются основные

методы, используемые в рамках проекта (запись устного корпуса текстов и элицитация), а также некоторые темы, затрагиваемые в ходе исследований (вопросы фонетики и акустики, пассивные конструкции, именные группы, коммуникативная структура, вопросительные предложения, сложные предложения).

Ключевые слова: абазинский язык, полевые исследования.

TYPOLOGICALLY ORIENTED DESCRIPTION OF ABAZA: A PROSPECTUS OF RESEARCH

Arkadiev P. M.

Institute of Slavic Studies RAS / Russian State University for Humanities, Moscow

Lander Yu. A.

National Research University Higher School of Economics, Moscow

Letuchiy A. B.

National Research University Higher School of Economics, Moscow

Moroz G. A.

National Research University Higher School of Economics, Moscow

Testelets Y. G.

Russian State University for Humanities / Institute of Linguistics RAS, Moscow

Abstract. *This paper presents a survey of a new project devoted to a typologically-oriented description of Abaza. It discusses the methods used in obtaining the relevant data (an oral corpus on a par with elicitation) and some topics touched upon by the project (phonetics, passive-like constructions, nominal structures, information structure and interrogatives, sentential complementation).*

Keywords: *Abaza, language documentation.*

В последние десятилетия в лингвистической типологии и теории грамматики усиливается интерес к языкам полисинтетического типа, к которым относятся абхазо-адыгские языки (см., например, [1; 4; 12]). Из всех абхазо-адыгских языков абазинский является, вероятно, наименее изученным, несмотря на наличие монографических описаний и авторских сборников статей (см., в частности, [2; 3; 5; 6; 8; 11]). Менее других своих родственников известен абазинский и типологам, которые, рассматривая западнокавказский материал, чаще всего обращаются к англоязычным источникам по абхазскому языку [9; 10], в то время как абазинский язык (в первую очередь тапантский диалект) в значительной степени отличается от абхазского. Кроме того, вполне естественно, что развитие лингвистических теорий ставит новые вопросы, которые для абазинского языка ранее не формулировались.

В 2016 году в Москве появился проект по типологически ориентированному описанию абазинского языка. Большинство его участников составляют сотрудники и студенты программы «Фундаментальная и компьютерная лингвистика» НИУ «Высшая школа экономики» (ВШЭ), но одновременно в него входит и несколько участников проекта «Коммуникативная организация естественного дискурса на звучащих и жестовых языках» (РНФ, РГГУ). В НИУ ВШЭ полевые исследования, проводимые участниками проекта, получили финансовую и организационную поддержку в рамках программы экспедиций «Открывая Россию заново». Позже там же была создана специальная научно-учебная группа по документации абазинского языка (см. <https://ling.hse.ru/abazagrammar>).

Упомянутый проект появился не на пустом месте – он стал естественным продолжением экспедиций по описанию аспектов грамматики адыгских языков, проводившихся с 2003 года на базе РГГУ, а с 2013 года также и на базе ВШЭ. Наиболее значимым результатом этих экспедиций стал сборник статей [1], а также множество других работ, опубликованных в журналах и сборниках. Вместе с тем, в ходе работы этих экспедиций было выработано определенное представление о грамматике абхазо-

адыгских языков, и тем интереснее стало применить его к языку, относящемуся к той же семье, но к другой ее группе.

После предварительной работы в Москве (изучение научной литературы и работа с носителями абазинского языка) в 2017 и 2018 годах были проведены две масштабные экспедиции в аул Инжич-Чукун, в которых участвовали около двадцати человек. Как и в других экспедициях такого типа, работа в абазинских экспедициях осуществляется по двум направлениям. С одной стороны, ведется запись и расшифровка устных текстов (преимущественно, но не исключительно нарративного жанра), которые в дальнейшем смогут лечь в основу устного корпуса абазинского языка. С другой стороны, данные о грамматике собираются с помощью элицитации – опроса носителей абазинского языка, включающего перевод предложений и оценку допустимости тех или иных примеров.

Далее мы кратко опишем некоторые темы, затронутые в проекте. По некоторым из них уже достигнуты довольно интересные результаты, часть из которых отражена в докладах на конференциях и публикациях, другие же нуждаются в дальнейшем развитии.

Фонологические и акустические исследования. В рамках уточнения фонологического описания абазинского языка исследуется ударение (в частности, уже сформулировано правило постановки ударения, которое хоть и имеет свои параллели в абхазском языке, все же во многих аспектах от него отличается). Помимо этого собран богатый акустический материал, который позволит исследовать особенности вокалической и консонантной системы, а также контекстное влияние согласных на гласные. Так, были записаны и проанализированы по 110 односложных слов от шести носителей абазинского языка для исследования вокализма и влияния согласных разных мест образования на формантную структуру гласных. В свою очередь, своеобразие консонантизма исследуется на материале смычных звуков, которые были записаны от шести носителей на материале 60 слов.

Результативные и пассивные конструкции. В абазинском языке от переходных динамических глаголов образуются результативные формы, оформляющиеся по статической модели, не имеющие показателя эргативного субъекта и обозначающие состояние, возникшее в результате действия, ср. *Ашв асыркЫтI* ‘Я закрыл дверь’ vs. *Ашв аркЫтI* ‘Дверь закрыта’. Кроме того, от результативных форм с помощью суффикса *-ха* образуются вторичные динамические инцептивные формы, обозначающие самопроизвольное наступление соответствующего состояния, ср. *Ашв аркIхámI* ‘Дверь закрылась’. Наше исследование показало, что и результативные, и в особенности инцептивные формы в абазинском языке могут приобретать свойства страдательного залога, вплоть до возможности выразить действующее лицо с помощью существительного в творительной форме на *-ла*, ср. *Сáхчаква чкIвЫнкIла йгьЫчхатI* ‘Мои деньги были украдены каким-то парнем’. Подобное развитие результативных конструкций в пассивные, наблюдаемое, кстати, и в адыгских языках, встречается во многих языках мира, однако для северокавказских языков скорее нехарактерно и, возможно, происходит без влияния русского языка.

Именные конструкции. При исследовании именной группы (существительного и его определений) в абазинском языке обнаруживается, что она, как и именная конструкция в адыгских языках, имеет двухуровневую структуру, в которой группа существительного вложена в состав группы детерминатора, причем категории определенности и числа могут быть выражены только в составе последней, но не первой. Абазинский язык обнаруживает бóльшую близость к адыгским языкам, чем к абхазскому, в том отношении, что в нем довольно широко употребляется немаркированная форма именной конструкции («чистая» группа существительного), лишенная показателей определенности и числа. Особый интерес в анализе абазинских именных конструкций обнаруживают местоимения, способные замещать не именную группу целиком, а некоторый ее отрезок, например, *-чIвы-*: *Атамцáкь дýква гьатахъЫм, счIвыхвЫцкIва гIахв!* ‘Большие тарелки не нужны, возьми мои маленькие!’

Коммуникативная (информационная) структура. В рамках данной темы в первую очередь исследуются формальные средства маркирования темы/топика и ремы/фокуса. При этом рассматриваются как специализированные средства маркирования, например, употребление условного показателя для маркирования темы (как в *Лина лăкIвызтыи, схъа лыладохитI* ‘Что касается Лины, я ей горжусь’), так и полная перестройка предложения, в результате которой фокус обнаруживает формальные свойства сказуемого (как в *Заджвгьй йымчнăз йхвбахъа ахIусан акIвыиI* ‘Никто не решил пятую задачу’, букв. ‘То, что никто не решил, – это пятая задача’ – в ответ на вопрос ‘Какую задачу никто не решил?’).

К проблематике коммуникативной структуры тесно примыкает тема **вопросительных конструкций**. Абазинский язык, наряду с абхазским, обладает исключительно редкой для языков мира стратегией оформления частных вопросов, где вместо привычных вопросительных местоимений и наречий вроде *кто* или *когда* используются специальные глагольные формы (ср. общий обзор в работе [7]). Все частновопросительные глагольные формы в абазинском языке образуются на основе так называемых причастий — нефинитных форм с префиксами релятивизации *й-* (абсолютив), *з-* (остальные актантные позиции), *а-* (релятивизация места), *ан-* (релятивизация времени) и *ш-* (релятивизация способа). Вопрос к актантам строится с помощью суффиксов *-да* (для класса лиц, ср. *Узыривада?* ‘кто тебя напугал?’) или *-йа* (для класса животных и вещей, ср. *Узыривайа?* ‘что тебя напугало?’), а вопрос к обстоятельству — с помощью префикса *-ба/-на*, вставляющегося непосредственно после префикса обстоятельственной релятивизации (ср. *Уанбăгайах?* ‘когда ты пришёл?’). Несмотря на свою типологическую редкость, абазинские частновопросительные конструкции вписываются в весьма распространённый в языках мира тип образования частных вопросов на основе так называемого псевдоклефта — конструкций, где исходное предположение вопроса выражено относительным предложением, а вопросительное слово является сказуемым (букв. *Кто есть тот, кто тебя напугал?*). По всей видимости, именно к таким конструкциям, широко представленным и в адыгских языках, исторически восходят абазинские вопросительные глагольные формы.

Конструкции с сентенциальными актантами (придаточными изъяснительными). Абазинский язык обладает крайне развитой системой маркирования сентенциальных актантов, то есть придаточных предложений, являющихся актантами главного предиката. В частности, к ним относятся формы с целевым показателем *-(р)ныс*, отглагольные существительные (масдары, номинализации) на *-ра*, видовременные формы, например, нефинитная форма презенса на *-уа*, или претерита на *-з* и другие. При этом распределение данных форм не всегда очевидно. Иногда оно близко к свободному, а в некоторых случаях связано с характеристиками главного глагола. Например, нефинитная форма настоящего времени зависимого глагола на *-уа* возможна при глаголе ‘начать’ в утвердительной форме: *Зара асалъмишвъа лгIва / ?лгIырнъис далагатI* ‘Зара начала писать письмо’. В отрицательной форме, как считают многие носители, предпочтительной является форма на *-(р)ныс*: *Зара салъмишвъа лгIвырнъис / *лгIва (ужвыгьй) дгъалагатI* ‘Зара (ещё) не начала писать письмо’. Особый интерес с типологической точки зрения представляет конструкция с глаголом *дзыцарă* ‘казаться’, который демонстрирует морфологические свойства суффикса, несмотря на то, что зависимый и главный предикаты сохраняют свою синтаксическую автономность.

Номинализации. Отдельно изучались номинализации (масдары) и их сочетаемость. Типологически интересно, что, хотя в абазинском языке всего один показатель номинализации со значением события *-ра*, – он образует несколько конструкций с различным оформлением словоформы. Номинализация может содержать личные показатели, как исходная глагольная форма, посессивный показатель, показатель определённости *а-* или не содержать никаких префиксальных показателей. Например, глагол ‘начать’ хорошо сочетается с номинализацией без дополнительных показателей (см.

пример выше). Глагол ‘хотеть’, напротив, легко принимает номинализации с личными показателями: *Анду щарданы рны днашы́лра* ‘Бабушка хочет их часто навещать’ (при номинализации *днашы́лра* от глагола ‘навещать’ сохраняется личный показатель аканта-человека третьего лица *д-*). При этом номинализации с разным набором показателей могут демонстрировать разное поведение и в других аспектах. В частности, в идиолекте некоторых носителей разные номинализации имеют разное ударение: в номинализации с двумя личными показателями *уызбарá* ‘чтобы я тебя увидел’ ударение на последний слог, а в номинализации *убáра* ‘тебя увидеть, твоё видение’ – на предпоследний (ср. *Сарá уызбарá / убáра стахъы́нI* ‘Я хочу тебя увидеть’, где оба варианта возможны, но ударения разные).

Работа по проекту не ограничивается этими темами. Другие фрагменты грамматики, которым сейчас уделяется особое внимание, включают поведение глагольных суффиксов, каузативы, возвратные и взаимные конструкции, функционирование ряда глагольных и именных категорий (время, число, определенность), устройство абазинского именного комплекса, относительные (причастные) и сравнительные конструкции и др.

Особенность всех этих исследований состоит, с одной стороны, в постановке вопросов и, с другой стороны, в представлении материала: и то, и другое здесь имеет выраженную типологическую направленность и предполагает интерес лингвистов, занимающихся межъязыковым сравнением. Представление материала предполагает, в частности, использование фонологической или фонетической транскрипции (порою наряду с орфографическим написанием), а также глоссирование примеров – приведение их в виде, содержащем первичный морфологический разбор. Узкие темы исследований отличаются от тех, что формулируются в работах, направленных на преподавание языка или его описание в наиболее распространенных в отечественном кавказоведении парадигмах, – отчасти это связано с тем, что участников проекта особенно интересует теоретические (не чисто описательные) вопросы, которые ставит лингвистическая типология. В этом смысле можно надеяться, что результаты проекта по типологическому описанию абазинского языка станут дополнением к уже существующим детальным исследованиям.

Авторы признательны консультантам экспедиций, администрации Абазинского района и администрации аула Инжич-Чукун за помощь в организации работы экспедиций и участникам проекта за обсуждение научных вопросов. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 18-05-0014) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

Список литературы

1. Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка / Я. Г. Тестелец (отв. ред.). - М.: РГГУ, 2009.
2. Генко А. Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта. - М.: Изд. АН СССР, 1955.
3. Клычев Р. Н. Абазинский литературный язык: поиски и находки. - Карачаевск: КЧГПУ, 2000.
4. Кумахов М. А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989.
5. Ломтатидзе К. Абазинский язык (краткое обозрение). - Тбилиси, 2006.
6. Пазов С. У. Абазинский литературный язык: очерки фразеологии и синтаксиса. - Карачаевск: КЧГПУ, 2000.
7. Пазов С. У. Вопросительные глагольные формы в структуре вопросительного предложения в абазинском языке // Адыгэ филологийер. Непэрэ Юфыгъохэр. Бзэр. Тарихъыр. Литературэр. Фольклорыр. Düzce, 2016. - С. 129-137.

8. Табулова Н. Т. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. - Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского книжного изд., 1976.
9. Chirikba V. A. Abkhaz. München/Newcastle: LINCOS Europa, 2003.
10. Hewitt G. Abkhaz. Amsterdam: North-Holland, 1979.
11. O'Herin B. Case and Agreement in Abaza. Dallas: SIL International and University of Texas at Arlington, 2002.
12. The Oxford Handbook of Polysynthesis / Ed. by M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans. Oxford: Oxford University Press, 2017.

ПЕРЕВОД КАК ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т. А. Чанкаева

д. филол. н. профессор

*Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия*

***Аннотация.** В статье рассматривается литературно-художественный перевод как проблема взаимосвязи, взаимообогащения литератур и литературных взаимодействий. Определяется литературный перевод как художественная интерпретация оригинала. Доказывается значение художественного перевода для развития северокавказской, в частности, карачаевской литературы. Выявлены особенности переводческой практики в национальных республиках.*

***Ключевые слова:** литературные связи, межкультурная коммуникация, контактные связи, взаимосвязи, литературно-художественный перевод, интерпретация, карачаевская литература, взаимообогащение литератур.*

TRANSLATION AS A PROBLEM OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

T. A. Chankaeva

Karachay-Cherkess State University

after named U.D. Aliyeva, Karachaevsk, Russia

***Abstract.** The article considers literary and literary translation as a problem of interconnection, mutual enrichment of literatures and literary interactions. A literary translation is defined as an artistic interpretation of the original. The significance of literary translation for the development of North Caucasus, in particular, Karachai literature, is proved. The features of translation practice in national republics are revealed.*

***Keywords:** literary communication, intercultural communication, contact communication, relationship, literary translation, interpretation, Karachai literature enrichment of literatures.*

Исследование взаимосвязей и взаимообогащения национальных литератур ставит перед современными литературоведами важные в методологическом плане и методике их изучения вопросы, касающиеся системного характера литературных связей, их роли в историко-литературном процессе, а также поднимает проблемы художественного перевода как вида литературного творчества. Изучение данных аспектов предоставляет возможность зримо обозначить многие существенные черты литератур. Сегодня, как никогда, стоит важная задача представить многообразные импульсы духовного сознания разных народов.

Как известно, искусством литературного перевода люди овладели давно, работа переводчика самобытна и ни с чем не сравнима. В сложном творческом процессе художественного перевода непонятное и недоступное делается понятным и близким для представителей другой культуры. Трудности межкультурной коммуникации возникают